

■ открытие

“Я хочу отсеять не своих читателей”

Среди ярких событий заканчивающейся сегодня ярмарки можно назвать презентацию новой книги Алексея Иванова «Золото бунта, или Вниз по реке теснин». Шум вокруг новой книги, начавшийся задолго до ее выхода, позволяет говорить о «Золоте бунта» как о сенсации. Одних привлекает интересный сюжет о поисках пугачевского золота, других — то, что Иванов активно использует устаревшую и специфическую лексику. О своих чувствах по поводу неожиданной славы **Алексей Иванов** рассказал корреспонденту Газеты Марию Терещенко.

Алексей Иванов —
Газете

газета

по реке истории

Алексей Иванов родился в 1969 году в семье пермских инженеров-кораблестроителей. После школы поступил на факультет журналистики Уральского университета в Свердловске. Вскоре бросил институт и вернулся в Пермь, где долгие годы занимался краеведением. Несмотря на то что писал Иванов чуть не с детства, его почти не публиковали. По большому счету он вышел на литературную арену в 2003 году, когда почти одновременно были напечатаны две его книги: «Географ глобус пропил» и исторический роман «Сердце Пармы».

Фотограф: Владимир Афанасьев/Газета

Мне приятно. Я слишком долго отсутствовал в поле литературной жизни. Сейчас мне хочется наверстать упущенное.

Расскажите о своем отсутствии в поле литературной жизни.

Об отсутствии рассказывать невозможно, потому что отсутствие — это когда ничего нет. Но если серьезно... «Географ», который будет издан вслед за этой книгой, был написан за 8 лет до его публикации издательством «Вагриус». Роман «Общак на крови», который тоже скоро будет опубликован, был написан за 12 лет до этого. Я не понимаю, почему эти произведения должны были столько лет лежать в столе. Они же попросту устаревают, и сейчас они будут менее интересны, чем были бы в то время.

Что заставляло вас писать, если вас не публиковали?

Наверное, на каком-то глубинном уровне это просто способ существования твоей души. Я понимаю, что это очень сильно напоминает графоманию, и в 99 случаях из 100 это и есть графомания. Но я надеюсь, что в моем случае это все-таки не так. Но что заставляет? Наверное, какая-то внутренняя сила. Ты просто не можешь без этого жить. Это не значит, что каждый день утром, вставая, ты думаешь, как вечером сядешь за стол и будешь писать. Но потребность в слове все равно очень мощная. Может быть, это сродни алкоголизму.

Теперь, когда пришел успех, что вы чувствуете?

Это ощущение твоего счастья, которое даровано другому. Весь этот успех, всю эту шумиху, ваши вопросы я не могу оценивать объективно. Для меня это какой-то виртуал. Я уже отвык от такого самоощущения. Это мне нужно было тогда. Сейчас тоже нужно, но я не могу полностью довериться своим ощущениям, все время остается такое чувство, будто кто-то надо мною насмеяется.

Скажите, пожалуйста, а вы в жизни можете говорить таким же языком, каким пишете книги?

Могу, но стесняюсь. Мне кажется, что это ненужный пафос.

Для книг нужный?

Писатель как человек и писатель как производитель слова — это две разные персоны, на мой взгляд.

Но зачем вам вообще стилизовать свою речь?

Этому много причин. Нужно создавать атмосферу произведения. Нужно каким-то образом выделять себя из словесного контекста нынешнего времени.

Лексика, которую вы используете, существовала на самом деле или какие-то слова вы придумываете?

Безусловно, лексику в основном я беру из источников, из словарей, хотя порою мне в этих словарях слов не хватало. Тогда я что-то сам придумывал, но пользовался при этом уже имеющимся лекалом.

В разные времена писатели использовали сложный язык и малоупотребимую лексику специально, чтобы затруднить для читателя процесс чтения. У вас не было такой цели?

Вы очень тонко и вредно спросили, и я удивляюсь, почему до вас мне никто не задавал этого вопроса. Да, у меня было такое желание — сделать чтение более трудным. Это провокация. Я просто таким образом хочу отсеять не своих читателей. Впрочем, эта провокационность никогда не становилась для меня стратегией.

У вас есть портрет вашего читателя?

В зеркале.

Как возникал замысел «Золота бунта»?

Может быть, я лишь произведение его сакральной ауры, но «Золото бунта» задумывалось как произведение коммерческое. Я взял изначально успешный коммерческий бренд — реку, которая была очень популярна в советское время, но с распадом Союза выпала из поля зрения туроператоров. Я взял этот бренд и на его основе сделал произведение, которое более или менее гармонировало и с характером реки, и с характером истории, и, естественно, с моей собственной персоной. Это все не стихийно, а продуманно.

То есть вы писали книгу с мыслью «Я хочу, чтобы она

была успешна? Что вас подтолкнуло к этому?

Это будет звучать абсолютно нелепо, но так оно и есть. Некоторые критики после моей первой опубликованной книги оценили меня так, что я посчитал их оценку неадекватной. Они сочли, что Иванов — плохой драматург, Иванов не умеет создавать сюжет, не умеет писать динамично. Весь драйв его произведений идет от лексики. Я хотел им доказать, что я не такой. Хотел доказать, что сюжет могу придумать — мало не покажется.

В итоге вас продвигают как писателя для широкой публики. Как вы к этому относитесь?

Я прекрасно к этому отношусь.